

* * *

если только и можно писать вечерами
о добре и о зле о добре и о зле
напишу о печальной о маленькой маме
зажигаящей свет на огромной Земле

в моей комнате лампу она зажигает
под которой я спину ломала в ночи
но не знает не знает не знает не знает
как меня от ночи этой злой излечить

ничего ей не надо не надо не надо
кроме счастья простого: увидеть во тьме
как звенящий вдали водопад звездопада
исполняет мечты только мне только мне

вы заметите: сколько же в том эгоизма
а я тихо отвечу полночным ветрам
сколько в этом большого земного трагизма
отчего мне никак не уснуть до утра

* * *

Какая неудачная погода
для жизни в полусне —
оттаяла замершая природа
и я зачем-то с ней.

Ни горечи, ни тяжести, ни скуки —
легка и весела
хожу и всем протягиваю руки,
как светлые слова.

Любимые родные горожане,
куда же вы, куда!
Какая от моих рукопожатий
вам выпадет беда?

Не шутка, не безумие, а просто —
как в юности, тайком
мы выкурили света папироску
на пару с ясным днем.

И тянется веселыми лучами
к вам теплая рука,
весенними стихами и мечтами
волнуется строка,

расписывает целые тетради —
берите не таясь! —
когда-нибудь найдете под кроватью
и вспомните, смеясь,

как в стареньком пальтишке, деловито
кушая колбасу,
ходила между вами Кармалита,
стихи читала вслух —

неловкие, курносые, смешные,
как дети во дворе,
они уже не вырастут большими,
не смогут постареть,

серьезной взрослой мудрости набраться,
чему-то научить,
но с вами часа светлого дожждаться
они придут в ночи.

* * *

Вот и октябрь уже из круга выбыл —
все близится к зиме,
и если снег сегодня утром выпал —
он выпал обо мне.

Белеет за окном бескрайний холод,
болеют тополя,
и кашляет уже мой бедный город,
а где-то в нем и я

иду по снегу — тихая, пустая,
как на последний суд,
и скорой на дороге уступаю —
а вдруг меня везут.

А все равно — придется умирать,
надеть костюм красивый и печальный,
какую-то фигию не досказать
и в облаке коричневым отчалить.

Лететь во тьме высоко над землей
и видеть: как же, Боже, много света
дарилось мне и отвергалось мной...
Но лишь во тьме я осознаю это.

И лишь тогда начну я понимать,
как было хорошо на самом деле
всего бояться, ничего не знать
и до утра ворочаться в постели.

* * *

Александрю Денисенко

И вино, говорят, не вино, а сплошной порошок —
все в России не так, даже птицы летят как-то худо.
Новогоднюю ель окружают советские блюда,
и скрипит за окном неприветливый русский снежок.

Я сказала: не будет меня до конца января.
Мне ответили: ах, вы, конечно, ту-ту за границу?
А я враз обернулась обычно серою птицей
и — ту-ту — усвистала в родные леса и поля.

Ледяную страну свою домом навеки избрав,
я со снегом кружилась, ныряла в густые сугробы
и — как будто бы заново из материнской утробы —
выплывала нагая, не зная ни зла, ни добра.

Укачала меня в колыбели таежной метель,
и руками белесыми русский обветренный холод
обучал вечерами уколами хвойных иголок,
как согреть и украсить застывшую в сердце постель.

И когда изловчилась я вьюгой лицо защищать
и ходить по зазубренным льдинам, как будто по шелку,
в темноглазом лесу новогодняя старая елка
научила меня белоснежные песни слагать.

До конца января я вернулась, стихами полна,
и запела у серых домов снегирем красногрудым.
«Все в России не так, даже птица поет как-то худо», —
дорогой и знакомый слышался вздох из окна.